

ЕКАТЕРИНА ЗЛАТОРУНСКАЯ

ГОЛУБОЕ ИЛИ РОЗОВОЕ

Часть сборника: Счастье-то какое! (сборник)

Екатерина Златорунская

Голубое или розовое

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Златорунская Е.

Голубое или розовое / Е. Златорунская — «АСТ», 2018

«Милости просим. Заходите в пестрый мир нового русского счастья... Вы и сами не заметите, как в погоне за его призраком окажетесь в сладком уединении, в чужом городе – однако ненадолго; как поколотите замучившего всех гада, как будете ждать рождения нового человека, как встретите брата из армии, жадными ложками будете глотать свадебный торт, запивая испанским хересом, – словом, заживете жизнью героев истории». Произведение входит в сборник «Счастье-то какое!»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Златорунская Е., 2018
© АСТ, 2018

Екатерина Златорунская

Голубое или розовое

© Екатерина Златорунская, 2018.

© Составление, оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018.

ЕКАТЕРИНА ЗЛАТОРУНСКАЯ. Выпускница «Creative Writing School». Публиковалась в журналах «Сноб», «Сеанс», «Interview», «Идиотъ» Петербургский журнал и др.

Она была младшей сестрой моей мамы, но я никогда не называла ее тетей, только по имени, и не Аля, а Алька.

Мама дежурила по ночам на «скорой», папа – в котельной. Алька ночевала со мной и моей сестрой. Утром сестра уходила в школу, и мы оставались вдвоем. Каждый раз мы рассматривали альбом с фотографиями, оливково-бежевого цвета, бархатный на ощупь, с плотными картонными листами, перемежавшимися припудренной калькой. Она приносила его тайно и никому, кроме меня, не показывала, но и мне разрешала смотреть только вместе с ней.

Все фотографии были подписаны ее аккуратным почерком. Место и дата.

На фотографиях – молодые дед и бабушка по отдельности и вместе. Таких у нас дома не было. Дед кудрявый, а бабушка в черной шляпке, и шляпкой Алька гордилась особенно. Потом они же и три девочки на крыльце деревенского дома – двенадцатилетняя девочка (моя мама), семилетняя тетя и двухгодовалая Аля – маленькая, кудрявая, акварелью проступавшая сквозь серую бесцветность фотографии. Бабушка уже постаревшая, в привычном белом платке, концы платка заведены назад и связаны узлом на затылке. Дед закрыл рукой лицо от солнца. Алька смахивала на их лица стрекозиное крыло бумаги и переворачивала страницу. На прозрачную кальку она сводила картинки с открыток и раскрашивала их цветными карандашами – длинные стебли гиацинтов, воздушные шары, румяных малышей, окруживших Деда Мороза. Чтобы не смазать рисунки, она держала локоть высоко над бумагой или клала между кистью руки и рисунком салфетку.

Я рисовала в своем блокноте, но мне хотелось на этих туманных листах, вуалью накрывающих лица бабушки и дедушки. Она не разрешала. Пока была у нас, прятала альбом, как сокровище, от всех в шкаф, далеко, в темноту, в безопасность. Я доставала и смотрела. Со временем прозрачные листы от множества просмотров затрепались и порвались.

Она покупала две одинаковые раскраски, одну – мне, другую – себе. Я закрашивала черно-белые фигуры как попало, она – аккуратно, кисточкой, не выходя за края. Мы лежали на полу. На газете – коробочки с красками и стакан с водой. Совсем не разговаривали. Сколько мне было? Три? Четыре? Если бы вспомнить.

Провожала и встречала со школы, весь первый класс. Помню, как сидела в белой кроличьей шапке на скамейке рядом со входной дверью и ждала меня. Свет в холле был рудный, маслянистый, зимний.

Я бежала к ней, переобувалась, что-то рассказывая на ходу, и продолжала рассказывать всё время, пока мы шли домой по обледевленным ветреным улицам, я поскальзывалась, она тут же подхватывала – да держись, не разбейся. Приходили домой, ели жареную картошку на кухне, я делала уроки. Ей очень нравились каллиграфические буквы в прописях. У нее самой был красивый почерк. Я просила – напиши за меня, и она с удовольствием писала.

Она работала на кондитерской фабрике, мой дядя шутил – сладкая женщина, но она и правда была сладкая: кудрявые волосы, голубые глаза, мягкие нежные губы, верхняя полнее нижней. Единственное, что немного портило красоту ее лица, – это зубы, передние чуть выступали. Она стеснялась и на фотографиях улыбалась, не разжимая губ. Она была мягкая,

пепельная, ее можно было очень любить, но она всю жизнь прожила одна. Полуженщина, полуребенок. Чем-то болела в детстве, и болезнь дала осложнение на слух. До сих пор помню ее беспомощное, даже просительное выражение лица, когда она что-то не слышала. Бабушка любила ее больше остальных детей, и она ее больше всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.